

21 Словарь русского языка XI–XVII вв. / [гл. ред.: С. Г. Бархударов (1–6), Ф. П. Филин (7–10), Д. Н. Шмелев (11–14), Г. А. Богатова (15–26), В. Б. Крысько (27–29), Р. Н. Кривко (30)]. – М.: Наука, 1975–. – Вып. 1–.

22 Словарь української мови / [упоряд. з дод. влас. матеріалів Б. Грінченко]. – К.: Вид-во АН УРСР, 1958–1959. – Т. 1–4.

23 Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча / [рэд. Ю. Ф. Мацкевіч]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980–1986. – Т. 1–5.

24 Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі: У 2 т. / [уклад. Е. С. Мяцельская]. – Мінск: Унівэрсітэцкае, 1990. – Т. 1. – 287 с.

25 Сцяшковіч, Т. Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці / Т. Ф. Сцяшковіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. – 671 с.

26 Трубачев – Трубачев, О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. (Этимология и опыт групповой реконструкции) / О. Н. Трубачев. – М.: Наука, 1966. – 415 с.

27 Тураўскі слоўнік / [рэд. А. А. Крывіцкі]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982–1987. – Т. 1–5.

28 Глумачальны слоўнік беларускай мовы. У пяці тамах / [пад агульн. рэд. акад. К. К. Атраховіча]. – Мінск: БелСЭ, 1977–1984.

29 Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / [гал. рэд. В. Ё. Мартынаў, Г. А. Цыхун]. – Мінск: Навука і тэхніка; Беларуская навука, 1978 –. – Т. 1–.

30 Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / [под ред. О. Н. Трубачёва, А. Ф. Журавлёва, Ж. Ж. Варбот]. – М.: Наука, 1974–. – Вып. 1–.

31 Lorentz, F. Pomoranisches Wörterbuch / F. Lorentz. – Berlin, 1958–1973. – Bd I–III.

32 Słownik języka polskiego / [pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego]. – Warszawa etc., 1904–1927. – Т. I–VIII.

33 Słownik staropolski. – Warszawa, 1953–1980. – Т. I–VIII.

Е. С. ЖУКОВА

(г. Гомель, УО “Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины”)

ПРИРОДНЫЕ СТИХИИ В ПАРЕМИЯХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

При изучении культуры того или иного этноса важное значение имеет осмысление народных представлений, связанных с

природными стихиями. Обратимся вначале к существующим в филологической науке определениям, данным пословицам и поговоркам. По мнению С. И. Ожегова, “пословицы – это краткое народное изречение с назидательным содержанием, народный афоризм” [4]. Поговорка, по его же мнению, – “краткое устойчивое выражение, преимущественно образное, не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания” [4]. Известно, что пословицы в процессе бытования иногда переходят в поговорки, изречения и присказки. Основываясь на этих определениях, можно сделать вывод, что паремии, а именно пословицы и поговорки, неразрывно связаны с историей, жизненным опытом и бытом этноса. Они, как и другие фольклорные жанры, отражают картину мира в той или иной культуре.

Сосредоточим внимание на паремиях, в которых нашли отражение верования людей в сверхъестественную силу воздействия огня и воды. Рассмотрим особенности репрезентации данных стихий в русских и английских пословицах и поговорках.

Пословицы и поговорки, в текстах которых нашли воплощение народные представления о воде, бытуют довольно широко. “Вода – в народных представлениях одна из основных стихий (наряду с землей, воздухом и огнем); опора, на которой держится земля; источник жизни и средство магического очищения. Вместе с тем водное пространство – граница между “этим” и “тем” светом, путь в загробное царство, место обитания душ умерших и нечистой силы” [6, с. 96]. Следует отметить амбивалентный характер народных верований, связанных с водной стихией. С одной стороны, она выступает как невероятно мощная разрушительная сила, о чем свидетельствуют тексты поговорок и пословицы: “Вода и мельницу ломает”, “Вешней воды и царь не уымет”, “Где много воды, там жди беды”, “Не шути водой, придется черпать”, “Жди горя с моря” и так далее [2].

С другой стороны, вода воспринимается как неотъемлемая и важная часть нашей жизни, например: “Чистая вода для хвори беда”, “Хлеб вскормит, вода вспоит”, “Покуда есть хлеб да вода, все не беда”, “Где была вода, там и опять будет”, “Вода прошла и беда пришла”, “Пей воду, вода не смутит ума” и многие другие [5].

У этой стихии есть и третий аспект в русском языке – дом для нечистой силы, например: “Работа не черт, в воду не уыдет”, “В тихом омуте черти водятся” [2]. В этой связи правомерно будет обратиться к высказыванию Л. М. Виноградовой: “Символика воды связана, с одной стороны, с её природными свойствами: прозрачностью,

свежестью, быстрым течением, способностью очищать, а с другой – с представлениями о воде как опасном “чужом” пространстве, принадлежащем потусторонним силам” [6, с. 97].

В английском языке преобладают те поговорки, в которых особенно выразительна семантика народных представлений, связанных с водой как с опасной стихией. Например: “Beware of a silent dog and still water” (Берегись молчащей собаки и тихой воды), “Still waters run deep” (Тихие воды имеют глубокое течение), “To go through fire and water” (Пройти сквозь огонь и воду), “Too much water drowned the miller” (В избытке воды мельник утонул), “We never know the value of water till the well is dry” (Никогда не узнаешь насколько ценна вода, пока не высохнет колодец) [3].

С другой стороны, действия с водой ассоциируются как с чем-то бесполезным, неприятным, лишним: “As welcome as water in one's shoes” (Желанный, как вода в туфлях), “To draw water in a sieve” (Черпать воду решетом), “To pour water into a sieve” (Лить воду в решето), “To love somebody (something) as the devil loves holy water” (Любить кого-то (что-то) как черт святуу воду) [3].

Таким образом, вода в обоих языках носит несколько противоречивый характер. В русском языке она не только дарует жизнь и силу, но и с легкостью отнимает ее. Как свидетельствует большинство английских поговорок, стихия воды воспринимается как нечто разрушительное, страшное или, наоборот, “пустое”, “бесполезное”.

Стихия огня также нашла свое отражение в паремиологической картине мира английского и русского этносов. В традиционной культуре русского народа “символика огня, как и воды, имела двойственный характер. На одном полюсе – образ грозного, яростного, мстительного пламени, грозящего смертью и уничтожением. На другом – стихия очищающего пламени, несущего свет и тепло, воплощающего творческое, активное начало [6, с. 284]. У славянских народов огонь воспринимается как разрушительная сила, опасность. Например: “Играть с огнем”, “Предать огню и мечу”, “Не шути с огнем, обожжешься”, “Не топора бойся, а огня”, “Топор отрубит, а огонь с корнем спалит”, “От вора остатки бывают, а от огня – одно пепелище”, “Кто огня не бережется, тот скоро обожжется”. Однако в этом значении огонь идет нередко в паре с водой: “С огнем да водою не поспоришь”, “Огонь жжет, вода мочит”, “Огонь да вода – всему голова” [2], [5].

Паремиологический аспект огня также ассоциируется со спешкой, скоростью и быстротой, что напрямую связано со

скоростью распространения пламени. Например, “Скоро огонь горит, да вода бежит”, “На работу огонь, а работу в огонь” [2]. Большое распространение получила поговорка “Дыма без огня не бывает”, что в большинстве случаев ассоциируется со сплетнями и слухами. Не менее популярны поговорки, отражающие страх перед пожаром “Солома с огнем не дружит”, “Сгорел сарай, гори и хата” [5] и т.д.

В английском языке стихия огня также выступает как нечто страшное и опасное. Англичане предпочитают небольшие огоньки большим кострам: “Better a little fire to warm us, than a great one to burn us” (Лучше маленький огонь, который нас согреет, чем большой, который нас сожжет; Хорошего понемножку), “Soft fire makes sweet malt” (Слабый огонь варит сладкий солод). Боязнь различного вреда от огня у них тоже присутствует: “A burnt child dreads the fire” (Обжегшееся дитя огня боится), “A little fire is quickly trodden out” (Маленький огонь легко затоптать), “Little chips light great fires” (От маленьких щепок бывают большие пожары) и другие. Сплетни и слухи часто ассоциируются с огнем: “There is no fire without smoke” (Дыма без огня не бывает), “To add fuel to the flames” (Подливать масла в огонь) [3].

Реже огонь ассоциируется со слабостью, например “He will never set the Thames on fire” (Ему никогда Темзы не поджечь) или необдуманностью, недальновидностью – “To build a fire under oneself” (Под собой разжигать костер) [3].

Таким образом, можно отметить, что огонь в обеих культурах в целом ассоциируется с разрушениями, пожарами и бедами, реже с чем-то иным, например, сплетнями или недальновидностью.

Можно сделать вывод, что в народных верованиях русского и английского народов воды и огня имеют подобное семантическое значение. Хотя и воспринимаются поговорки немного по-разному, но осмысливаются эти природные стихии представителями различных культур практически одинаково, за исключением отдельных примеров. Вышеприведенные материалы дают основания утверждать факт сходства паремнологических картин мира в культуре славян и англичан.

Список использованной литературы

1 Борисова, А. В. Репрезентация стихий (вода и огонь) в русских поговорках и поговорках: лингвокультурологический аспект // В мире науки и искусства : вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. V междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2011.

2 Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко. – М.: ЗАО “ОЛМА Медиа Групп” 2007. – 787 с.

3 Native English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.native-english.ru/proverbs/category/fire-and-water>. – Дата доступа: 19.11.2019.

4 Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru>. – Дата доступа: 19.11.2019.

5 Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок: Около 1200 пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – Изд. 4-е, Москва, “Русский язык”, 1991. – 534 с. – (Малая 6-ка словарей рус.яз.);

6 Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1995.- 416 с.

А. В. ЗЕМЛЯНСЬКА, А. С. КОВАЛЕНКО

(Україна, Мелітопольський державний педагогічний університет імені Богдана Хмельницького)

ОБРАЗ ЯНГОЛА ЯК ЗАСІБ ПСИХОЛОГІЗАЦІЇ ПЕРСОНАЖІВ МАЛОЇ ПРОЗИ ОЛЬГИ ДЕРКАЧОВОЇ

Ольга Деркачова є відомою сучасною українською письменницею з м. Івано-Франківська, лауреаткою премії імені Василя Стефаника. Її проза утверджує високі гуманістичні ідеали, збагачує національну культуру, виражає внутрішній світ людини, її самотність.

Мала проза О. Деркачової доводить наявність стійкого інтересу письменниці до змінених форм свідомості та поведінки людини. Вона вдається до зображення особливого стану психіки, що дозволяє вийти далеко за межі нормального, раціонального світосприйняття та здорового глузду, потрапивши у досвідомий ірраціональний вимір. При цьому відбувається актуалізація структур нижчої нервової діяльності, що перетворює людину на інстинктивну істоту, або ж особистість входить у найвищі душевні стани, доступні лише геніям і пророкам. Тому одним із найпродуктивніших у малій прозі О. Деркачової є мотив божевілля. У збірках новел і оповідань письменниці згаданий стан стає не лише одним із ключових мотивів, а й головним принципом художнього бачення. Божевілля трактується як реакція людини на нездійсненність заздалегідь запланованої життєвої програми, на екзистенційну порожнечу навколо та